

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Стихира на хвалитех, гл. 1

Ты, крестившись в Иордане, Спаситель наш, струи его освятил, принимая возложение руки раба и страдания мира исцеляя. Велико таинство домостроительства Твоего! Человеколюбец, слава Тебе!

Перевод

Ты, крестившись в Иордане, Спаситель наш, струи его освятил, принимая возложение руки раба и страдания мира исцеляя. Велико таинство домостроительства Твоего! Человеколюбец, слава Тебе!

<...>Ныне обращаем мы духовные взоры наши к волнам Иордана, из которых выходит смиренно принявший Крещение Иисус Христос, и нам открывается пречудное чудо Богоявления. Разверзаются небеса, и сходит на Богочеловека Дух Святой в мирном образе голубя. И глас Бога Отца глаголет: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение* (Мф.3:17). В видении этом приоткрывается величайшая тайна Божественной Сущности – Троица Единая и Нераздельная.

Невозможно без трепета помыслить о столь великом, не постигаемом умом Откровении – Откровении Бога о Самом Себе, без которого истинное богопознание и наше спасение невозможны, ибо спасительное Крещение в Церкви совершается во имя Святой Троицы, как заповедал Сам Спаситель.

Однако в прошедшем есть еще одно поразительнейшее явление – это беспримерное смирение Сына Божия.

Богочеловек, Единый Безгрешный, не нуждающийся в покаянии, пришел к Иордану как один из кающихся. Иоанн Предтеча говорил о Христе: *Я не достоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его* (Мк.1:7), – однако же Он воспринял крещение от рук Иоанновых. <...> Так смирением ниспровергал Иисус горделивое царство сатаны и утверждал в душах человеческих Царствие Небесное.

<...> Крещение Господне и Богоявление означили начало того спасительного для людей пути Благовествования, которым прошел по земле Сын Божий вплоть до Крестной смерти Своей, Воскресения и Вознесения. Тридцать лет было Иисусу, когда ступил Он на этот путь.

О неизреченное смирение Сына Божия! Разве нуждался Христос, с колыбели обладавший во всей полноте Божественной сущностью Сына Божия, в этих тридцати годах безвестности и безмолвия? Разве не мог Ребенок Иисус, повергавший в изумление мудрейших учителей Иерусалимского храма, потрясти весь мир чудесами и знамениями? Но нет,

до урочного тридцатилетнего возраста вместе с мнимым Своим отцом Иосифом Обручником проливал Сын Божий соленый человеческий пот, склоняясь над плотничьим верстаком. Зачем же длит Богочеловек это смиренное существование, занимался этим простым ремеслом? Ответом служат слова Спасителя: *Так надлежит нам исполнить всякую правду* (Мф.3:15).

Правда Божия во искупление падшего рода человеческого и возрождение его в жизнь вечную заключалась в том, что чуждый греха Сын Божий должен был пройти человеческий путь со всеми его тяготами и скорбями, быть предан на поругание и позорную Крестную казнь, дабы «смертию смерть поправ» в ознаменование беспредельной любви Творца к людям. Иисус Христос живым Своим примером указывал путь «всякой правды» для всех, кто, желая спастись, последовал бы по Его стопам.

Сошествием в воды Иордана очистил Господь «естество вод» всего мира, изгоняя из них гнездившегося там древнего змия-диавола. Как писал святитель Кирилл Иерусалимский: «по словам Иова, в водах был дракон, могший поглотить Иордан. Итак, поскольку надлежало сокрушить главы дракона, Он, сойдя в воды, связал сильного, чтобы мы получили от Него власть наступать на змиев и скорпионов. Это был не малый зверь, но зверь страшный». <...>

Сошествием в воды Иордана освящал Господь естество вод, претворяя вещественную влагу в таинственную святую, «великую агиасму». Вода, прежде способная лишь очищать тела человеческие от внешней нечистоты, приобретает способность омывать души от скверны греха. Сбылось реченное пророком: *И окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь от всех скверн ваших* (Иез.36:25). Это освящение Иорданской воды становится началом освящения воды для церковного Таинства Крещения и для ежегодно повторяемого освящения воды на ныне совершаемый праздник.

митрополит Владимир (Иким),

Слова на двенадцатые и великие праздники

...От человека требуется не усыпить свои страсти, а искоренить их, то есть преодолеть их, когда будут упорствовать. преп. Исаак Сирий Ниневийский

О БЛАГОДАТЯХ ЖИЗНИ И ПУТИ ВОСХОЖДЕНИЯ К БОГУ

Если человек носит в себе толику благодати Святого Духа, душа его бывает мирна, ощущает присутствие Бога и порой радуется радостью, не сравнимой ни с каким земным утешением. Если же благодать Божия отстоит от нас далече, мы ощущаем в себе беспокойство и даже страдание, вызванное игрой страстей. Нас может томить чувство одиночества, уныние, даже отчаяние. И такое плачевное состояние может охватить человека вне зависимости от его внешнего благополучия. Сколько людей, имеющих многие земные блага, остаются несчастными! Их глаза таят скорбь. Их облик — облик «рыцаря печального образа» — свидетельствует о внутренней неустроенности, о неизжитых терзаниях и беспокойстве. Каждому из нас это состояние знакомо не понаслышке — состояние жизни вне благодати Духа Святого. И здесь возникают два классических вопроса: кто виноват и что делать?

Преподобный авва Дорофей в своем поучении говорит, что виновниками людских скорбей являются их собственные страсти. Если бы страсти не таились в душе человека, то и внешние обстоятельства не смогли бы привести их в движение, усилить до размеров пожара. Именно эти грехи и страсти, по существу нераскаянные, порой даже неосознанные, препятствуют благодати Духа Святого войти в сердце человека.

Исповедуясь в своих духовных преткновениях, мы выказываем к ним некое неопределенное или определенное, но слабое нерасположение, а то и не выказываем никакого, называем грехи и страсти лишь по именам. Или исповедуемся просто для того, чтобы священник допустил до Причастия. И в результате легче не становится, страсти не ослабевают, грехи повторяются. Есть ли искренность в таком покаянии? Произнося умом и устами слова «Господи, избавь меня» от тех или иных грехов, мы продолжаем любить то удовольствие, которое доставляет нам грех, в котором мы по наружности раскаиваемся. Если бы переживания сердца, испытываемые нами, когда мы молимся об избавлении от какого-нибудь внутреннего порока, облечь в слова человеческой речи, то молитва наша могла бы прозвучать совсем иначе.

<...>Однако как этого нерасположения к собственным грехам и страстям достичь? Какое средство употребить? Этим средством может являться присущая всякому человеку сила гнева, которой мы нередко пользуемся вовсе не по назначению, направляя ее на наших ближних. Псалмопевец Давид говорит: «Гневайтесь и не согрешайте». Именно этот способ употребления гнева — против грехов и страстей, а также и бесов, которые стараются в нас эти страсти оживить, — можно назвать непогрешительным. Гнев обладает тем свойством, что отталкивает и даже разрушает то, к чему прикасается. Выказывая гнев докучающим нас помыслам и приведенным ими в движение греховным переживаниям, мы можем на некоторое время оттолкнуть их от себя, а затем, напрягая все силы души, постараться обратиться к Богу, воззвать к Нему о помощи, чтобы Господь, ратоборствуя вместе с нами и за нас, Сам разобрался с нашими обидчиками — страстями <...>. *иеромонах Мелхиседек (Скрипкин)*

ЦИТАТЫ

«...Но в таинствах можно участвовать лишь постольку, поскольку вы в Боге. <...>Если вы подходите к причастию только потому, что сегодня воскресенье, или ваши именины, или заодно со всеми, очень вероятно, что вы не причаститесь.

Есть очень сильное место у Симеона Нового Богослова, где он говорит, что Бог есть огонь. Но Он — наш Спаситель, и когда мы подходим к причастию недостойно, не сознавая, что мы делаем, Он допускает это, но как бы отходит из преподаваемых нам Хлеба и Вина. Вы принимаете хлеб и вино, ничего больше, потому что иначе вы сгорели бы дотла. И я думаю, что инославный, погрузившийся в Бога во время православного богослужения, по духу бесконечно ближе к литургии и даже к таинству Причастия, чем православный, который просто стоит и надеется, что служба не слишком затянется. Хотя что касается Симеона Нового Богослова, я не уверен, что тут, как и в некоторых других вещах, он не более радикален, чем Церковь в целом. Например, когда он говорит, что тот, кто не испытал воскресения на земле, не познает его в вечности — это больше, чем мы ожидаем из учения Церкви, это очень радикальный подход.

Помните тот отрывок, где он говорит, вернувшись из храма после причастия: я сижу на деревянной скамейке, гляжу на эти дряхлые руки, на это стареющее тело, и вижу с ужасом, что это руки Божии и что это тело Божие, потому что путём причастия это стали члены Христовы; я взираю вокруг себя на убогую келью — и она шире небес, потому что небеса не вмещают Бога, а она содержит Бога...».

митр. Антоний Суражский

ПРИТЧИ

Жили-были два друга. Как-то поспорили они, и один ударил другого... Тому было больно, но он промолчал и написал на песке: «Сегодня мой самый лучший друг дал мне пощечину».

Вот идут они и набрали на водоем, в котором решили искупаться. Тот, что получил пощечину, едва не утонул, но друг его спас. Пришел в себя спасенный и выскреб на камне: «Сегодня мой самый лучший друг спас мне жизнь».

Тот, что дал пощечину и затем спас жизнь своему другу, спросил:

— Когда я тебя обидел, ты написал на песке, а теперь пишешь на камне. Почему?

Друг ответил:

— Когда кто-либо нас обижает, мы должны написать это на песке, чтобы ветры могли стереть запись. Но когда кто-либо делает нам добро, то это следует записать на камне, чтобы никакой ветер не смог бы стереть!

Научись писать обиды на песке и гравировать радости на камне!

Игумен Евмений (Перистый). Кто мой ближний?